

НОВЫЕ КНИГИ ПО СОЦИАЛЬНЫМ НАУКАМ

И.В. Ивлева

О ПРОЯВЛЕНИЯХ БЕСПОРЯДКА И СТРАХАХ ЖИТЕЛЕЙ БОЛЬШОГО ГОРОДА

Рецензия на книгу: Häfele J. Die Stadt, das Fremde und die Furcht vor Kriminalität. Wiesbaden: Springer, 2013. — 299 S. ISBN 978-3-531-18483-8

Новые книги из области городских исследований — всегда событие. Тем более когда речь идет о тематике, недостаточно представленной в отечественной литературе. Это исследование Йоахима Хэфеле, проработавшего несколько лет в Гамбургском институте исследований безопасности и профилактики (преступлений). Книга демонстрирует итоги работы автора над проектом «Феномены беспорядка, социальный капитал и преступность». Цель проекта состояла в том, чтобы выявить взаимосвязь между состояниями беспорядка в городской среде и преступностью. При этом большое значение придавалось роли социального капитала в разных частях города. Главный вопрос всей книги состоит в том, каким образом городские феномены беспорядка влияют на формирование у жителей большого города страха перед преступностью и на детерминанты их субъективного восприятия в публичном городском пространстве. В последние два десятилетия в криминологии, социологии, социальной психологии наблюдается рост внимания к проблематике беспорядка. Однако рассматриваемые в книге вопросы не являются специфически криминологической темой.

Автор отмечает, что теоретизирование о чужом, инаковом или отклоняющемся начинается с самого момента зарождения социальных наук. В работах Г. Зиммеля, Э. Дюркгейма, В. Беньямина, Н. Элиаса житель большого города предстает как актер, перманентно подталкиваемый к тому, чтобы выработать определенные модели поведения при столкновении в публичном пространстве с инаковым и отклоняющимся. В зависимости от теоретического подхода или урбанистического диагноза, становятся возможными различные альтернативы как на эмоциональном уровне (страх, возмущение, хладнокровие), так и на уровне поведения (избегание, пассивность, применение санкций). Если у В. Беньямина фланер рассматривает феномены беспорядка скорее как знак возможного приключения или даже преднамеренно желаемой опасности, то

Ивлева Ирина Владимировна — кандидат социологических наук, преподаватель кафедры культурной антропологии и этнической социологии факультета социологии СПбГУ (irina_ivleva07@mail.ru)

Ivleva Irina — Candidate of Science (Sociology), Lecturer, Chair of Cultural Anthropology and Ethnic Studies, Faculty of Sociology, St. Petersburg State University (irina_ivleva07@mail.ru)

в диагнозах городского развития З. Баумана речь идет о возникновении чувств неуверенности, неловкости, озлобления. По этой причине в больших городах целенаправленно организуются пространства, открытые не для всех (торговые центры или так называемые *gated communities*), призванные предотвратить встречу с чужим, нецивилизованным. В американских исследованиях города проявления беспорядка также рассматривались как одна из наиболее заметных форм социальной дезорганизации. Представители Чикагской школы указывали на связь между экологическими условиями городской среды и уровнем молодежной делинквентности. Для тех районов города, в которых наблюдался высокий уровень делинквентности, были характерны запустение, социальная дезорганизация, высокий уровень бедности. В своей книге Й. Хэфеле присоединяется к этой дискуссии, но в его работе интерес вызывает не только необычная постановка вопроса, но и масштабность проведенного исследования и используемый понятийный аппарат. В качестве центрального понятия автор использует специальный термин «городские феномены беспорядка» (*Urbane Disorder-Phänomene*), или так называемые *Incivilities*, что можно дословно перевести как «нецивилизованность». В англоязычной дискуссии в качестве синонимов используются и другие близкие понятия (*sings of crime, broken windows, urban unease, soft crimes*). При этом автор выделяет социальные и физические проявления беспорядка. В первом случае это разные формы отклоняющегося, непристойного поведения (пьянство, попрошайничество, проституция, вандализм, «урирование» в общественных местах), во втором — следы подобных действий (граффити, выброшенные шприцы, мусор, заброшенные здания, разбитые телефонные будки).

В большой дискуссии по этой теме, подробно проанализированной в книге, речь идет о том, что городские проявления беспорядка способны провоцировать у жителей городов чувство неуверенности, незащищенности, что они воспринимаются и обычными людьми, и правонарушителями как сигнал того, что в данном месте городского пространства отсутствует действенный социальный контроль. Во всяком случае, тезис о влиянии различных форм нецивилизованности на формирование страха перед преступностью активно артикулируется в рамках получившей известность модели беспорядка. В то же время Й. Хэфеле останавливает свое внимание на разных концепциях, посвященных феноменам беспорядка. Это различные варианты концепции «разбитых окон», концепции деиндивидуации, виктимизации, социального контроля и т. п. Но особенно запоминаются приведенные в качестве примера социально-психологические эксперименты Ф.Г. Зимбардо, который исследовал процессы вандализма в 1960-е гг. и обратил внимание на случаи порчи и разграбления машин, оставленных без присмотра в Нью-Йорке. Эти примеры иллюстрируют собственно поставленную в книге проблему. Зимбардо провел 1969 экспериментов с оставленными машинами. Первую машину без номеров он оставил в Бронксе (Нью-Йорк) и наблюдал за ней 64 часа непрерывно. Уже через первые десять минут семья из трех человек сняла с нее радиатор и аккумулятор. Через 26 часов от машины остался только кузов, а затем началось окончательное ее разрушение. Еще один автомобиль без номеров Зимбардо оставил в небольшом калифор-

нийском городке Пало Альто, который считался довольно спокойным. В данном случае в течение недели никто вообще не притронулся к машине. Когда же Зимбардо сам стал громить лобовое стекло автомобиля, к нему быстро присоединились другие прохожие. В течение нескольких часов машина была полностью разрушена. Зимбардо пришел к заключению, что реализации подобных действий способствует атмосфера анонимности, которая была типична для Бронкса, но также требуются и однозначные сигналы из окружающей среды. В Пало Альто уровень анонимности был гораздо ниже, поэтому ему потребовалось предпринять более активные действия, чтобы привлечь внимание к машине. Согласно Зимбардо, в атмосфере анонимности возникает состояние деиндивидуации, снижения самоидентификации и чувства ответственности. В то же время общим для всех рассмотренных в книге Хэфеле подходов к феноменам беспорядка является предположение о том, что они оказывают положительный эффект на формирование страха перед преступностью и чувства небезопасности. Однако при дальнейшем обсуждении результатов различных исследований по данной тематике становится понятно, что они довольно противоречивы.

С 1980-х гг. эти подходы стали популярны в криминально-политическом дискурсе и до сих пор не утрачивают своей силы. Несмотря на популярность модели беспорядка, Й. Хэфеле был убежден, что требуется эмпирическая проверка того, насколько эта модель соответствует действительности. Дело в том, что до недавнего времени в Германии было мало эмпирических работ о взаимосвязи проявлений беспорядка и страха перед преступностью. Однако и здесь модель беспорядка стала популярна. Это проявилось в том, что с начала 1990-х гг. почти во всех крупных городах Германии осуществлялись мероприятия и программы, направленные на предотвращение феноменов беспорядка с тем, чтобы повысить ощущение безопасности у жителей. В ходе этих мероприятий обычно делались отсылки к программе «нулевой толерантности» нью-йоркской полиции, основанной на положениях концепции «разбитых окон». С середины 1990-х гг. в Гамбурге было учреждено несколько программ по улучшению самочувствия населения. Они были направлены прежде всего на поддержание порядка в публичных пространствах, которые считаются визитной карточкой города. Например, вводились штрафные санкции за попрошайничество и употребление алкоголя в общественных местах или предпринимались попытки создать запретные зоны для определенных социальных категорий (наркоманов и бездомных).

Однако нужно иметь в виду, что уже в модели беспорядка содержится положение о том, что значение имеют не отдельные проявления нецивилизованности, а определенная их совокупность. Поэтому в качестве центральной независимой переменной в книге была избрана систематически наблюдаемая частота феноменов беспорядка. Ранее этот показатель в немецких работах фактически не рассматривался, потому что установить эту частоту можно было только путем весьма затратных систематических наблюдений в городских районах. В ходе исследования была разработана специальная схема наблюдения. Необходимость фиксации беспорядка на основе систематических наблюдений обосновывается в книге тем, что субъективное восприятие проявлений беспо-

рядка далеко не всегда отражает объективные отношения. И поскольку в работе учитывается как индивидуальный уровень, так и уровень квартала, автор опирается на статистический многоуровневый анализ.

Дополнительно к проверке модели беспорядка автор книги поставил своей задачей проверить ряд других теоретически постулируемых гипотез — о влиянии личного опыта жертвы (опыта виктимизации) и локального социального капитала на формирование страха перед преступностью. Для прояснения этих вопросов он попытался учесть роль соседских отношений в различных кварталах города. В качестве переменных социальной структуры кварталов были избраны такие показатели, как доля получателей социальной помощи в квартале, доля безработных, доля социальных квартир, доля иностранцев. В качестве переменных уровня преступности была взята численность краж на тысячу жителей в квартале и численность преступлений с применением насилия также на тысячу жителей. В ходе работы над исследованием была выдвинута 61 гипотеза, учитывающая индивидуальный уровень и уровень городских кварталов. Приведу лишь некоторые из них. Персональный страх перед преступностью у человека будет проявляться тем больше, чем меньше выражено межличностное доверие к соседям, чем выше восприятие риска в городском квартале, чем старше человек, чем проблематичнее социальная структура квартала и если речь идет о женщине. Часть гипотез касалась субъективного восприятия проявлений беспорядка, восприятия риска, практик избегания.

Конечно, поражает то, насколько основательно проводилось исследование. Для проведения почтового опроса, который, правда, проводился в 2004 г., было выбрано 49 кварталов г. Гамбурга, причем по возможности отбирались лишь те, в которых были зафиксированы значительные вариации в плане социальной структуры и уровня преступности. Было запланировано опросить 2450 человек, случайно отобранных из журналов регистрации. Однако письма с анкетами были разосланы 10 тыс. жителей. С целью повышения уровня возврата анкет респондентам было обещано 10 поощрительных призов (две поездки на выходные в Рим или Париж и в Берлин или Мюнхен и восемь цифровых камер по 500 евро). При этом рассылались письма и делались звонки с напоминанием о необходимости возврата анкеты. В конечном счете в руках исследователя оказалось 3612 заполненных анкет. Однако среди респондентов оказалось большое количество людей с высшим образованием, большее число немцев и более низкий процент иностранцев, чем ожидалось, а также большое количество людей в возрасте от 45 до 64 лет. При этом в анкете содержались вопросы о том, например, «насколько уверенно / неуверенно Вы чувствуете себя в своем квартале, когда идете в одиночку в темное время суток?». Для личной оценки риска предлагался вопрос о том, «какие происшествия могут произойти в квартале?» (повреждение или кража велосипеда, машины, взлом квартиры и т. д.). Затем ставился вопрос о том, какие из этих происшествий реально происходили с человеком за последние 12 месяцев. По тому же принципу люди опрашивались о субъективном восприятии проявлений беспорядка, какие они видели за последние 12 месяцев. При этом на первых трех местах оказались превышающие скорость автомобилисты, собачий помет и мусор. Но автора интересова-

ла не только частота появления этих признаков, но и субъективное отношение к различным формам беспорядка. И здесь первые три места заняли выброшенные презервативы, шприцы, иглы, наркоманы и наркоторговцы, а также разбитые телефонные будки.

Кроме этого, в анкете содержались вопросы, направленные на выявление значимости опыта виктимизации, практик избегания проблемных ситуаций и роли локального социального капитала в соседствах. Объем локального социального капитала определялся по наличию контактов с соседями, уровню доверия к соседям, социальной сплоченности и коллективной эффективности. Респондентов просили отметить, как часто они предпринимали какие-то совместные действия с соседями за последние 12 месяцев. Для такого большого города, как Гамбург, результаты оказались обнадеживающими. Большинство опрошенных удовлетворены своей жилищной ситуацией, в отношении соседей испытывает доверие, готовы на них положиться, одалживать деньги и совместно проводить досуг. В то же время вероятность совместных действий с соседями больше всего проявляется в готовности убирать крупногабаритный мусор. Относительно применения социального контроля большинство опрошенных готовы лично беседовать с нарушителем спокойствия. Однако автор книги почти никак не интерпретирует эти результаты. Видимо, он считает, что они не нуждаются в дальнейших комментариях, и выходит, что какие-то глубокие или наводящие на размышления выводы отсутствуют, а полученные данные образуют некий побочный продукт, который сам автор не знает, как использовать.

Другим методом, примененным в ходе исследования, стали систематические скрытые наблюдения. Упущением является то, что в книге отсутствуют точные указания времени их проведения, так что остается гадать, когда же это было. Необходимость проведения наблюдений автор объясняет тем, что сведения жителей о формах беспорядка нужно воспринимать с большой осторожностью. Автор отмечает, что, по данным разных исследований, на субъективное восприятие феноменов беспорядка могут влиять такие факторы, как пол, возраст, опыт виктимизации, уровень социальной и экономической ущемленности, степень этнической гетерогенности в квартале. В то же время некоторые утверждения, приводимые в этой связи, могут вызывать вопросы. В любом случае проверить уровень объективности респондентов сложно. Тогда получается, что рассуждения о причинах необъективности не слишком целесообразны. Во всяком случае то, как это преподносится в книге, может вызывать сомнения. Неточности в оценках жителей могут быть обусловлены не столько социальным положением, сколько контекстом. Кроме того, получаемые результаты зависят и от того, как поставлены вопросы. В количественных исследованиях зачастую ожидается точная оценка, которую респонденты просто не всегда в состоянии дать. В самом деле, кто может точно сказать, сколько разбитых окон или мусора он видел в своем квартале за последние 12 месяцев? Таким образом, проведение наблюдений оправданно. В исследовании Й. Хэфеле поначалу проводились скрытые участвующие наблюдения, не носившие структурированный характер. Это способствовало прояснению того, какие формы

беспорядка в городском пространстве можно практически воспринять на вид, слух и запах и зафиксировать.

В качестве пространственной единицы отсчета в ходе наблюдения были избраны лишь отдельные проблемные участки внутри кварталов, о которых стало известно из опроса. Наблюдение носило стандартизованный характер, категории наблюдения формулировались таким образом, чтобы исключить какие-либо сомнения у наблюдателей. В общей совокупности было проведено 187 наблюдений. В них приняли участие 20 студентов, посещавших исследовательский семинар под руководством автора книги. По результатам наблюдения, первые три места заняли такие формы беспорядка, как граффити, вандализм и неухоженные газоны. Реже всего наблюдатели сталкивались с выброшенными презервативами, шприцами, иглами.

После представления результатов исследования автор описывает итоги статистического анализа. Подтвердились гипотезы о том, что восприятие форм беспорядка тем выше, чем старше человек и если это женщина. Й. Хэфеле объясняет это большей уязвимостью женщин и пожилых людей, а также тем, что женщины испытывают меньше толерантности к отклоняющемуся поведению. Однако при учете других аспектов эффект пола теряется. Вместе с тем женщины выше оценивают угрозу виктимизации. Далее подтвердилась гипотеза о влиянии локального социального капитала на восприятие форм беспорядка. В данном случае речь шла о том, что при наличии доверия по отношению к соседям в квартале различные формы нецивилизованности воспринимаются меньше. Было установлено также, что чем меньше люди доверяют своим соседям, тем менее уверенно они чувствуют себя в темное время суток. В то же время коллективная эффективность соседских связей способствует тому, что жители, напротив, чувствуют себя в большей безопасности в позднее время. Подтвердилась гипотеза о том, что чем чаще человек подвергался виктимизации, тем больше он реагирует на проявления беспорядка. Неожиданным для самого автора оказался положительный эффект коллективной эффективности соседства на восприятие форм беспорядка. Он объясняет это тем, что к пространству соседства относятся с большим вниманием и что оно обладает определенным потенциалом для применения неформального социального контроля. Проблематичная социальная структура квартала также оказывает положительный эффект на восприятие беспорядка. При этом чувство безопасности выражено тем меньше, чем проблематичнее социальная структура квартала.

В ходе анализа полученных данных выяснилось и то, что страх перед преступностью все же скорее связывается с социальными проявлениями беспорядка, а материальные формы беспорядка менее релевантны. Один из ключевых выводов работы состоит в том, что объективно наблюдаемая частота различных форм беспорядка не оказывает значимого эффекта ни на восприятие риска, ни на формирование страха перед преступностью, и что эмпирические данные не подтверждают положения модели беспорядка. Значимый положительный эффект могут иметь лишь социальные формы беспорядка, однако они фиксируются значительно реже. В дальнейших исследованиях, по мнению автора, следует отдельно рассматривать социальные и физические проявления беспо-

рядка. Однако здесь возникает мысль о том, что к такому выводу можно было прийти и простым логическим путем, не затрачивая особых усилий. Ведь понятно и так, что сам по себе вид заброшенного дома, граффити или мусора едва ли у кого-то может спровоцировать страх перед преступностью. Более того, некоторые описанные проявления беспорядка хотя и не приветствуются, все же относительно безобидны. Те же граффити рассматриваются порой как разновидность стрит-арта.

Другое дело, что в связи с восприятием некоторых городских районов у людей могут возникать безотчетные чувства страха и неуверенности. Конечно, тут возникает вопрос о том, какие факторы на это влияют. Но, как мне кажется, это может не зависеть от социальных характеристик индивидов. Эта линия аргументации отчасти заводит автора в тупик, потому что в данном случае вообще не учитывается фактор социального конструирования эмоций, под воздействием которого у людей разного социального положения могут возникать сходные чувства в отношении определенных частей города, что зачастую связано с негативным имиджем того или иного района. Логика автора также порой вызывает удивление. Если рассуждать в несколько утрированном, обобщенном виде, из нее можно сделать вывод, что если не обращать внимания на проявления беспорядка, то и страх перед преступностью возникать не будет. Однако такое предположение, имплицитно содержащееся в тексте, представляется малоубедительным. В конечном счете автору книги, хотя он и очертил серьезную проблему городской жизни, не совсем удастся нащупать убедительную нить аргументации, чего можно было бы избежать, проведя даже небольшое количество качественных интервью с жителями города.

В своей книге Й. Хэфеле последовательно и увлеченно представил все детали многоуровневого статистического анализа. И действительно, эта работа может особенно порадовать специалистов в области количественных исследований. Единственная проблема в том, что она вряд ли будет доступна пониманию читателей, далеких от социологии.